

Е Линь без церемоний швырнул Лингуана на деревянную кровать.

Лингуан повалился ничком, утонув в ошеломительной мягкости. Неизвестно, где Е Линь раздобыл столько сухой травы, но он набил ею тюфяк до невероятной мягкости, а сверху набросил огромную пушистую шкуру. Простая деревянная лежанка оказалась на редкость удобной.

Е Линь возвышался над ним, глядя сверху вниз. Его темные глаза тлели в полумраке едва заметным, опасным блеском. Так смотрит на зажатую в угол добычу голодный свирепый зверь — со смесью дикой ярости и лихорадочного возбуждения. Взгляд его, бездонный и пугающий, был полон смертоносного внимания.

Лингуан нутром почуял угрозу. Перевернувшись на спину, он закинул голову, чтобы встретиться с Е Линем глазами. Его изящные пальцы судорожно вцепились в густой мех шкуры, мягкие ворсинки просочились сквозь пальцы. Он настороженно отодвинулся назад, внезапно почувствовав себя загнанным в угол беззащитным зверьком, вынужденным караулить каждое движение палача.

Но Лингуан не был слабой жертвой. Изогнув губы в презрительной усмешке, он процедил:

— Ты что удумал?

Е Линю как раз и нравилась эта его яростная строптивость. Куда хуже, если бы Лингуан просто окатил его ледяным равнодушием. Он серьезно произнес:

— Вдвоем.

— Нельзя, чтобы были только мы двое? — спросил он тихо и настойчиво.

Е Линь опустился на край постели. Стоило ему протянуть руку к напрягшемуся Лингуану, как тот молниеносно вцепился зубами в его запястье. Красивые губы Лингуана плотно сжались вокруг раны, а алые глаза сверкнули исподлобья диким, звериным блеском. То была отчаянная, смертоносная ярость загнанного в ловушку существа.

Лингуан понятия не имел, чего хочет Е Линь, но инстинкты орали об опасности. Будь он сейчас в своем истинном обличье, все его перья вздыбились бы дыбом.

Е Линь замер. Не обращая внимания на кровь, струящуюся из прокушенного запястья, он вытащил из-под тюфяка длинную гибкую тесьму — судя по всему, сплетенную из сердцевины какого-то прочного растения.

Перехватив строптивного пленника, он прижал его к груди, словно утихомиривал разбушевавшегося домашнего зверька. С предельной сосредоточенностью Е Линь принялся

связывать руку Лингуана со своей собственной, сплетая их пальцы в замок. Этот жест, лишаящий свободы движения, казался пугающе интимным — словно их связали невидимой неразрывной нитью судьбы, обрекая делить одну участь до самой смерти.

Лингуан разжал зубы. На его окровавленных губах горела багровая кровь. Взглянув на Е Линя в упор, он ледяным тоном спросил:

— Ты решил запереть меня?

Е Линь немного подумал и кивнул.

«Значит, это называется пленом»

Впервые в жизни он лишал кого-то свободы осознанно. По собственной воле.

В Исследовательском институте игроки частенько попадали в ловушки: их связывали намертво или запирали в клетках. Е Линю было плевать на эти механизмы. Сам он никого не держал взаперти — любой, кто попадался ему на пути, находил быструю смерть.

Новое ощущение будоражило его. Он мысленно представил на месте тех беспомощных пленников Лингуана, и в груди на мгновение замерло дыхание. Впрочем, его сердце раньше вообще не билось, а с недавних пор словно взбесилось. Е Линь коснулся ладонью груди, но тут же забыл об этом, замороженный своим пленником.

Лингуан брезгливо сплюнул.

«Ну наконец-то. Я так и знал, что ему что-то от меня нужно»

В конце концов, этого парня подозревали в сговоре с Внешними Богами. Каждое действие Е Линя — от запрета уходить до нынешнего пленения — укладывалось в рамки самого зловещего сценария.

Впрочем, это не имело значения: Лингуан мог уйти в любой момент. Пусть этот дикарь обладал пугающей силой, истинное обличье Лингуана — Божественного Лорда Вермилиона, рожденного из первозданного пламени, чьи крылья застилали небеса — не удержать никакими путами.

К тому же...

Лингуан скользнул скрытым взглядом по экрану оптического терминала. Сигнал бедствия уже ушел. Оставалось лишь выяснить, что задумал его похититель.

Откинув голову на стену, он смерил Е Линя высокомерным, холодным взглядом и презрительно усмехнулся:

— И все-таки ты решился на этот шаг.

Е Линь озадаченно склонил голову набок.

— Выкладывай, для чего я тебе понадобился? — требовательно спросил Лингуан. — Какую бы выгоду ты ни планировал извлечь, это похищение станет твоей самой фатальной ошибкой!

«Я убью его»

Е Линь мало что понял из этой тирады. Он медленно кивнул:

— А.

— Не пожалею, — твердо добавил он.

Не дав Лингуану опомниться, он достал два огромных кокоса и одним легким движением пальцев раскрыв их, протянув сочную мякоть пленнику.

Лингуан ошеломленно уставился на треснувшую скорлупу. Скорлупа этих мутировавших плодов была настолько прочной, что в народе ходила шутка, будто она крепче черепной коробки. Обычному человеку без специальных инструментов открыть такой орех было не под силу.

«Он что, запугивает меня?»

Заподозрив неладное, Лингуан с прежним каменным равнодушием оттолкнул подношение.

Е Линь недоумевал.

«Почему он не пьет? — спросил он у Системы. — Ему ведь раньше нравилось»

Система тут же взорвалась негодованием:

[Неблагодарный дикарь! Мой благородный Создатель лично расколол для него кокос, а он еще смеет воротить нос!]

За свой длинный язык Система тут же отправилась в темный бан, где Е Линь устроил ей

жестокую трепку.

Затем Е Линь извлек откуда-то кусок сочного, еще теплого жареного мяса и заботливо поднес его к губам Лингуана. Тот лишь отвернулся, демонстративно уставившись в угол.

Прежде строптивый и порывистый, теперь этот юноша сидел тихо и безучастно. Его прекрасные фениксовые глаза смотрели на похитителя с ледяным презрением, а с губ не слетало ни единого слова.

Е Линь, не имевший ни малейшего опыта в заботе о ком-то, долго наблюдал за ним в молчании. Лишь когда опустилась глухая ночь, он осторожно уложил Лингуана спать.

Укрыв его мягкой шкурой, Е Линь улегся рядом и принялся лениво перебирать шелковистые пряди его волос.

Лингуан лежал неподвижно, затаив дыхание. Ближе к рассвету он резко вскинулся. Его изящная ладонь мгновенно обратилась в смертоносные когти, нацеленные в горло спящего.

Но Е Линь уже бодрствовал. Он успел перехватить его руку прямо у шеи.

Острые когти все же успели задеть плоть. Из пробитой раны ручьем хлынула багровая кровь. Однако Е Линь даже бровью не повел — он спокойно убрал руку Лингуана, словно это была лишь невинная шалость, и стер ладонью кровь с шеи.

Глубокая сквозная рана размером с монету затянулась на глазах за считанные мгновения. Он спросил тихим, хрипловатым голосом:

— Ты чего?

Лингуан вырвал ладонь и настороженно замер, по-прежнему храня молчание. Прижавшись спиной к стене и подтянув колени к груди, он не спускал с Е Линя глаз.

На следующий день все повторилось. Е Линь упрямо предлагал ему то расколотые кокосы, то сочное мясо, но Лингуан упорно отвергал любые попытки его накормить.

Столкнувшись с глухим сопротивлением, Е Линь вновь уложил его отдыхать.

На этот раз он крепко обнял Лингуана со спины, собственнически положив тяжелую руку ему на талию. Лицо пленника оказалось в паре сантиметров от его груди.

Лингуан был в полном замешательстве.

«Он настолько уверен в своей неуязвимости или всерьез думает, что я пощажу его?»

Сбитый с толку, он так и не смог сомкнуть глаз. В мучительном напряжении они оба бодрствовали до самого утра.

Е Линь окончательно растерялся.

«Почему он ничего не ест, не пьет и не спит?»

Система, к которой он обратился за советом, робко пискнула:

[... О, мой дорогой Создатель, возможно, он просто капризничает?]

Ответом ей послужил очередной сокрушительный удар, отправивший ее в цифровое изгнание.

Система, которая надеялась, что ее грозный Создатель наконец-то проявит истинную жестокость и начнет свой путь безжалостного темного владыки, пребывала в полном унынии. Будучи извлеченной из бана, она мгновенно усвоила урок и заговорила куда покладистее:

[Возможно... возможно, ему просто не по вкусу эта еда?]

«Не по вкусу?»

[Именно! Некоторые здешние обитатели невероятно избалованы. Им подавай мягкие простыни, кристально чистую воду, изысканные деликатесы...]

Лингуан с подозрением покосился на Е Линя. В его сознании, словно бесконечное эхо, лихорадочно крутились чужие мысли:

«Он не ест и не пьет»

«Что же ему нравится?»

«Почему люди такие хрупкие? Неужели он умрет?»

...

Спустя некоторое время Е Линь хмуро спросил:

— Чего ты хочешь?

Казалось, он искренне пытался заботиться о нем — так, как умел.

Лингуан долго молчал, а затем холодно процедил:

— Я буду делать это только тогда, когда ты поймашь то, что тебе не под силу одолеть.

<http://bllate.org/book/20308/2161798>